

DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05

МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И НАЦИЕЙ: ДИЛЕММЫ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корр. РАН, зам. директора по научной работе ИМЭМО РАН. Для связи с автором: semenenko@imemo.ru; **ЛАПКИН Владимир Валентинович**, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru; **БАРДИН Андрей Леонидович**, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: andreybardin@gmail.com; **ПАНТИН Владимир Игоревич**, доктор философских наук, зав. отделом Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН. Для связи с автором: v.pantin@mail.ru

Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. — Polis. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00021 “Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)”) в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН).

Статья поступила в редакцию: 26.06.2017. Принята к печати: 16.07.2017

54

Аннотация. В политической повестке дня постсоветских государств сосуществуют два тесно взаимосвязанных, но сущностно различающихся проекта – формирования современной гражданской нации и укрепления государственно-гражданской идентичности и институтов государства. Глубокие социальные противоречия и этнокультурные размежевания, проявляющиеся в постсоветских обществах в ходе продвижения этих проектов, актуализируют потребность в поисках средств консолидации политического сообщества, ставят в центр политического дискурса проблемы национальной и гражданской идентичности. В фокусе сравнительного анализа авторов статьи – стратегии и практики политики идентичности, проводимой политическими элитами трех заметно отличающихся по этнокультурному составу, культурно-цивилизационной природе и ресурсам социального и экономического развития постсоветских республик – Казахстана, Армении и Беларуси – и ее восприятие в общественном сознании. Исследование построено на обобщении материалов глубинных интервью, взятых в научных и экспертных центрах этих стран, и предваряется критическим анализом концептов нации и нациестроительства в контексте постсоветских трансформаций. В итоге обоснован вывод о приоритетности в политической практике постсоветских обществ задач государственного строительства перед задачами консолидации гражданской нации. Отмечено устойчивое расхождение траекторий реализации двух этих проектов при зачастую противоположных эффектах использования потенциала гражданской идентичности в политическом и интеллектуальном дискурсах. Выявленные в ходе исследования перспективы процессов нациестроительства (политики консолидации живущих на одной административной территории людей в институциональных формах единого сообщества) побуждают авторов поставить под сомнение тезис об универсальности проекта “национального” государства.

Ключевые слова: нация; национальное государство; нациестроительство; национализм; национальная идентичность; гражданская идентичность; политика идентичности; дискурс идентичности; государственность; постсоветское пространство; Казахстан; Армения; Беларусь.

Постсоветское пространство стало в последнюю четверть XX в. своего рода лабораторией общественных трансформаций. В появившихся после распада СССР независимых государствах одновременно происходят разнонаправленные процессы в экономике, политике, сфере социальных отношений. Эти изменения во многом определяют сдвиги в общественном сознании, в культурных нормах и системах ценностей людей. Становление новой социальной и политической реальности преобразует индивидуальные картины мира и отражает трансформации институтов и ориентиров идентичности. Процессы обустройства постсоветских сообществ в рамках вновь обретенной государственности характерны не только для политий, получивших международное признание с момента их выхода из СССР, но и для непризнанных или частично признанных самопровозглашенных государственных образований, появившихся в ходе череды сецессий на этом пространстве. В рамках исследования мы ограничимся анализом группы международно признанных государств, возникших на основе бывших союзных республик, тем самым вынося “за скобки” оценку влияния на формирование дискурса национальной идентичности проблем государственного статуса и международно-правовой легитимации.

Перспективы постсоветских трансформаций “по умолчанию” рассматриваются сегодня и в политическом, и в научном дискурсах в контексте двуединого процесса становления в бывших союзных республиках национальной государственности и нации как ее консолидирующей политико-институциональной скрепы. Но сами политические акторы рассматривают концепт *нации* скорее в инструментальном аспекте государственного строительства — как символический ориентир конструирования институционального фундамента новой государственности и легитимации правящей элиты. К задаче формирования нации они подходят как к регулируемому “сверху” процессу, имплицитно опирающемуся на согласие граждан и их консолидацию на основе предлагаемой повестки дня. В результате обозначилось латентное, но принципиальное противоречие между установками базового дискурса о национальном государстве (*nation-state*) как безальтернативной перспективе государственного строительства и реальными политическим и практиками и политической культурой сообществ, обустройствающих свою государственность.

НАЦИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ПОСТСОВЕТСКИЙ КОНТЕКСТ

В этом сущностном противоречии проявляется не находящий однозначного разрешения в постсоветский период спор о первенстве в политической повестке дня двух на первый взгляд тесно связанных, но фундаментально различающихся политических проектов: *формирования современной консолидирующей территориальное сообщество нации* либо *укрепления государства*. В этом споре примордиалистские или конструктивистские акценты расставляются, как правило, априорно, с учетом интересов элитных групп, находящихся у власти или оспаривающих властное доминирование в конкретный период политического времени.

Контекст анализа социально-политических процессов на постсоветском пространстве формируется сегодня главным образом в парадигмальных рамках нациестроительства (*nation-building*). Аналитические подходы по преимуществу выстраиваются на апробированных в социальных науках во

второй половине XX в. принципах “методологического национализма”¹, отождествляющего заключенное в государственные границы сообщество с национальным государством [см. Бекк 2000; см. также Chernilo 2006]. При этом повестку дня анализа и прогнозирования изменений в постсоветских обществах определяет исторически сложившаяся в Европе модель государственности, — в то время как “глобальная перестройка” миропорядка, новые возможности и новые риски в развитии современного “информационного” общества ставят однонаправленный, поступательный вектор такой динамики под вопрос [Глобальная перестройка 2014].

Под вопросом оказывается и безальтернативность нации как значимого для самоидентификации гражданина “воображаемого сообщества”, а национального государства — как формы организации общественной жизни нации. С одной стороны, в условиях режимных трансформаций национальное начало подменяется государственным; “национальная” государственность оказывается лишь оболочкой, наполняемой разным, ситуативным содержанием. В ней находится место и “отцам нации”, и “этнической демократии”, и другим формам преференций на этнических основаниях и в рамках представительства групповых интересов. В публичном дискурсе бытуют и устойчивые термины, унаследованные еще от советской эпохи: “титовская нация”, “многонациональное государство”, “национальные автономии” и пр. Политические элиты, воспитанные на этих понятиях, мыслят соответствующими категориями, в то время как в научном дискурсе нация осмысливается как “воображаемое сообщество” (в соответствии с известной формулой Б. Андерсона), а этническое, как правило, трактуется (в конструктивистском ключе) расширительно, как феномен культурной природы, “форма социальной организации культурных различий” [см. Этнические группы... 2016]. Этот сформировавшийся в течение четвертьвекового постсоветского периода “зазор” между “политкорректной” теорией и политической прагматикой, складывавшейся в остроконкурентных условиях борьбы за приватизацию “советского наследства”, маркирует серьезную проблему постсоветских сообществ — сбой ориентиров развития и, в результате, своего рода когнитивный диссонанс, возникающий при попытке сопряжения теоретических моделей с практикой.

Одна из важнейших особенностей нациестроительства на постсоветском пространстве, с точки зрения ресурсного оснащения, условий и социально-политического контекста, состоит в дефиците практического опыта государственности у постсоветских стран. Сказываются и разрывы устойчивых экономических связей, и появление новых центров цивилизационного влияния (будь то Евросоюз или отдельные его члены, будь то Китай или Турция). Задача нациестроительства встает одновременно и параллельно с задачей государственного строительства, а в некотором отношении — и в качестве конкурирующего проекта. Это обстоятельство тем более следует принимать во внимание, если речь идет об оценке эффективности использования ресурса гражданской идентичности: в процессе нациестроительства этот ресурс имеет

¹ “...Методологический национализм означает, что большинство исследований определяют (прямо или косвенно) национальное государство как контейнер социальных процессов. Таким образом, государственная единица нации является ключевым понятием при изучении наиболее значимых социальных, экономических и политических процессов. Один из главных критиков такой перспективы, Ульрих Бек, утверждает, что она ошибочно основана на предположениях о конгруэнтности политических, культурных и социальных границ. Государственная перспектива не захватывает транснациональные связи, структуры или идентичности...” [Zajak 2013: 24].

решающее, стратегическое значение при выборе ориентации развития — на построение либо гражданской, либо этнической нации, либо на продвижение ее гибридных форм. Напротив, в государственном строительстве роль фактора гражданской идентичности может оказаться не столь значимой и даже контрпродуктивной для достижения в короткий, важный для легитимации политического режима срок видимых результатов, особенно в сравнении с иными ресурсами государственной консолидации, например, этнической солидарностью или жестким противостоянием значимому Другому.

Опыт государственности молодых постсоветских стран зачастую сводится к существованию в качестве союзных республик единой советской державы (что следует рассматривать, скорее, как опыт квазигосударственности). При этом важнейшим ресурсом нациестроительства, способным обеспечить формирование устойчивых оснований новой государственности, оказывается ресурс культурно-цивилизационный и этнокультурный (“капитализирующий” отторжение как советского прошлого, так и всего русского и российского, — *de facto* атрибутов “титальной нации” советского периода). В итоге “...в силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР продвигаются трудно от концепта этнонации к концепту гражданской нации... Широкое, гражданское понимание нации (например, казахстанской или латвийской) пока утверждается робко, главным образом для внешнего мира” [Тишков 2016: 18].

Очевидно, что общим вектором государственной политики остается укрепление институциональных основ политического режима, но в каждом постсоветском “случае” используются разные сочетания механизмов и инструментов решения этой задачи. Концепт “национализирующихся государств”, который два десятилетия назад предложил Р. Брубейкер [Brubaker 1996], стал одним из признанных референтных понятий для осмысления политико-институциональной динамики на постсоветском пространстве. Его теоретическая ценность тоже нередко ставится под вопрос: понятно, что описываемые процессы происходят не только в постсоциалистическом мире, а имплицитное разделение на западный гражданский (“со знаком плюс”) и незападный этнический (“со знаком минус”) национализм задает нормативные рамки в их трактовке [см. напр. Kuzio 2001]. Это разделение, думается, нуждается в прояснении.

О полноценной гражданственности западного национализма можно говорить лишь в свете глубокого переосмысления Западом опыта двух мировых войн XX столетия (прежде всего — их западноевропейских реалий). Но и с этой оговоркой важно принимать во внимание то, что именно по итогам этих войн со второй половины XX в. формируется “разделение” национализма на две принципиально отличающиеся версии: для Запада и для остального мира. При этом последняя формировалась во многом под давлением целенаправленного продвижения Западом в инородные культурные среды идеалтипической модели национального государства, в “генофонд” которой включены многие “типовые” практики периода зарождения европейских наций. В их числе практики последовательной и жесткой этнической и конфессиональной унификации, готовность государства при столкновениях с критическими неоднородностями социального субстрата прибегать к инструментам подавления и искоренения этнически и конфессионально чужеродных элементов и т.п. В итоге распространяемая повсеместно после Второй мировой войны (и окончательного распада колониальных империй, а затем и “советского блока”) в качестве

универсальной форма национального государства, с одной стороны, зачастую провоцировала межэтнические и межконфессиональные столкновения, а с другой — подталкивала соответствующие сообщества к “национальному самоопределению” и тем самым умножала число “национальных проектов”.

Неслучайно в более поздних работах, посвященных, в частности, анализу опыта Эстонии, Латвии, Украины и Казахстана как “национализирующихся государств” и их достижений в сферах этнополитической демографии и языковой политики, Брубейкер настойчиво указывает на необходимость разведения формы и содержания, на “дуальность проектов и процессов” и на многослойность самого концепта “национализирующихся государств”, “интегрирующего дискурсы, политические практики и процессы” [Brubaker 2011: 1786-1787, 1802]. В качестве теоретико-методологического ориентира такая постановка вопроса не теряет актуальности, если только не абсолютизировать значимость этого концепта как аналитического инструмента (от чего предостерегает и сам его автор). На наш взгляд, преодолеть ограничения нормативного подхода при рассмотрении процессов становления новой государственности позволяет концепт политики идентичности.

Политика идентичности трактуется нами не только в традиционном для зарубежной политической науки контексте вовлеченности меньшинств и представляющих их групп интересов в “борьбу за идентичность” и продвижение прав ущемленных в социальном статусе сообществ, но и как политика государства и негосударственных субъектов политического процесса по формированию национальной, гражданской, территориальных идентичностей. Политика идентичности включает такие ключевые направления, как символическая политика, политика в сфере образования и культуры, политика языка, политика памяти [см. Идентичность: личность, общество, политика 2017]. Важную роль в ее продвижении, особенно в глубоко разделенных обществах, играют социальная политика и политика в сфере межэтнических отношений (рассматриваемых как взаимодействие культурных общностей по достижению гражданского согласия). В условиях утверждения новой государственности успешность политики идентичности оказывается значимым фактором государственной состоятельности; в странах, решающих задачи социальной и политической модернизации, она активно используется как инструмент реализации государственной стратегии развития, а ее приоритеты и инструментарий становятся важнейшими индикаторами, позволяющими оценить характер политического режима.

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ

Инерция институтов и инерционность политического мышления заставляют искать пути сочетания привычных подходов и нового содержания как в практической политике, так и в научном дискурсе. Эта задача актуальна для выстраивания общего для социальных наук поля анализа общественных изменений, в том числе для осмысления природы и перспектив политико-институциональных трансформаций на постсоветском пространстве. Так, понятия *наднациональной политики* (применительно к институциональным основаниям Евросоюза), *внутренних наций* (как в случае составляющих Великобританию стран), *титульных наций* (сообществ, дающих название государственному или территориальному образованию), *этнотерриториальной автономии* (примени-

тельно к территориальным образованиям с разным правовым статусом в составе государств) или *национально-культурной автономии* (в РФ – вид общественного объединения) требуют дополнительных разъяснений и уточнений ввиду смысловой или нормативно-правовой неопределенности и двусмысленности, а порой и трудностей перевода понятий, которые могут описывать несовпадающие реалии. Сам термин “нациестроительство” появился в англоязычной литературе в начале 1960-х годов [см. Nation-Building 1963], но в русском языке плохо приживается, притом что и адекватной замены ему пока не нашлось.

Вокруг содержательных трактовок понятий нации, нациестроительства и национализма не утихают споры [см. напр. Ozkimirli 2010]. Так, В.А. Тишков считает, что “сложность и хрупкость современных наций на Востоке – это не от незавершенности процесса нациестроительства или невозможности его осуществления, а от навязывания еврорецептов устройства наций-государств и от отказа различным вариантам воплощения идеи нации” [Тишков 2016: 13]. Возможности реализации таких вариантов определяет стратегический выбор элит новых государств, их готовность заимствовать формы, но не содержание европейских политических институтов. На наш взгляд, фундаментальная причина многочисленных дисфункций нациестроительства в инокультурных (в сопоставлении с Западом) регионах – в стремлении свести все многообразие существующего в современном мире государственного устройства к единообразной модели национального государства. При этом нация наделяется атрибутами гражданской общности, имеющей привязку к контролируемой государством территории, тем самым основания консолидации нации – как самоорганизующегося политического сообщества самостоятельных индивидов – реифицируются.

Как утверждают зарубежные исследователи постсоветских реалий, фокус изучения механизмов и траекторий нациестроительства смещается на микроуровень и на оценки сочетаний, порой причудливых, традиционных и нетрадиционных инструментов конструирования идентичности [Isaacs, Polese 2016: 2-3]. Имея в виду эти разные ракурсы анализа, конструктивным представляется подход, предлагающий рассматривать нациестроительство как “деятельность политического актора (или акторов), направленную на убеждение живущих на одной административной территории (государства) людей в том, что они принадлежат к одному сообществу”; для того чтобы получить объективное представление о продвижении по этому пути, предметом рассмотрения должны стать не только политические практики национального уровня, но и реакции граждан на них [Polese 2011: 40]. Однако скорее речь идет не о способности или возможности “убеждать” (*to convince*): в эпоху информационного общества методы “убеждения”, доступные ключевым политическим акторам, трактуются весьма расширительно (например, практики “информационных войн”). Точнее было бы определить современные стратегии нациестроительства шире, как *политику консолидации “живущих на одной административной территории людей” в институциональных формах единого сообщества*.

Стремительные изменения обращают человека к понятным, осязаемым формам репрезентации идентичности в символическом публичном пространстве и в практиках повседневности. В обществах, переживающих глубинные трансформации, национальные и этнокультурные ориентиры идентичности зримо присутствуют в обыденном сознании, определяя позицию индивида в противостоянии “мы” и “они”. Соответствующие формы репрезентации

национальной и этнической идентичности становятся предметом интеллектуальной рефлексии и художественного творчества.

Интересным поворотом представляется и изучение влияния неполитических практик, формально не связанных с реализацией политики идентичности (например, социальной защиты населения или знаковых экономических проектов). Такого рода нетрадиционные для политического анализа источники и ресурсы особенно важны ввиду фрагментарности данных социологических опросов — обстоятельства, которое не могут не принимать во внимание исследователи постсоветских социальных и политических реалий. В последние годы в эти исследования интегрируется опыт осмысления и оценки эмоциональной составляющей национального самосознания [Pawlusz, Seliverstova 2016], стоящей за гражданской и политической активностью в условиях переживаемой постсоветскими обществами культурной травмы.

В литературе по проблемам национализма и нациестроительства на постсоветском пространстве в последние годы выделилось несколько направлений, которые дают разные интерпретации приоритетов и механизмов их реализации. В первое постсоветское десятилетие доминировала конфликтология, в центре внимания был анализ ситуаций конфликтных противостояний и их концептуализация [Ethnic Conflict 1996; Tishkov 1997; Coppeters 2004]. Постепенно ее вытесняли исследования национализма и стратегий регулирования межэтнической напряженности, инструментов и механизмов политики идентичности [Абашин 2007; Soviet and Post-Soviet Identities 2012; Nationalism and Identity Construction... 2015; Летняков 2016]. Помимо традиционных сфер внимания — образовательной политики, политики языка, политики в сфере культуры — в центре исследовательского интереса закономерно оказались формы апелляции к опыту прошлого в контексте символической политики [Шнирельман 2003; Символическая политика... 2012; Маркедонов 2015]. Исторический и мемориальный дискурсы стали действенным оружием в том числе в борьбе за государственную состоятельность, а “войны памяти” — расхожим, обыденным политическим инструментом конструирования национальной идентичности, к которому широко прибегали политические элиты новых государств. Волны интереса к политике памяти перекинулись в разные сферы художественного творчества и продолжают формировать общественный запрос на переосмысление прошлого.

ТРАЕКТОРИИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИНСТИТУТЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Постсоветские трансформации дают богатый материал для “включенного наблюдения” за происходящими изменениями и их теоретического осмысления. Экспертное понимание нового миропорядка во многом определяет дискурс о его несущих конструкциях, в котором каждому из ключевых понятий — нации, государству, гражданству, идентичности — придаются разнообразные, порой плохо совместимые значения. Соотнесение в рамках политического анализа разных сфер социальных трансформаций, фиксируемое в представлениях о динамике институтов и идентичностей, оказывается серьезным теоретико-методологическим вызовом социальным наукам. До недавних пор в центре их внимания были элитный политический дискурс, правовое регулирование и практики реконструкции идентичности в условиях трансформаций политических режимов. В контексте постсоветских исследований серьезные усилия направлены на преодоление разрывов между осмыслением политического дискурса и повсе-

дневности, политик и их восприятия теми, на кого они ориентированы [Brubaker et al. 2008; Isaacs, Polese 2016; Burkhanov 2017]. Такой ракурс позволяет выявить реальные, а не только декларируемые приоритеты политики идентичности в контексте сравнительного анализа научного и политического дискурсов, влияния таких дискурсов на перспективы институциональных трансформаций.

Сам способ возникновения новых государств на постсоветском пространстве контекстуально обусловил в качестве приоритета политики идентичности консолидацию вокруг “титульной” нации. Тем не менее на вопросы о характере этой новой государственности, о траекториях развития и перспективах социальной консолидации постсоветских обществ до настоящего времени нет однозначных ответов. Каждый пример по-своему уникален, но на постсоветском пространстве можно выделить несколько групп стран, показательных с точки зрения траекторий становления новой государственности. Страны Балтии, вошедшие в состав Евросоюза, представляют собой яркий пример использования образа Другого в лице России для национальной консолидации. В этом смысле также характерен пример Грузии, а с 2014 г. — и Украины. Особенности украинского случая рассматривались нами ранее: социокультурные и ценностные размежевания и расколы внутри страны, влияние внешних факторов [Лапкин, Пантин 2014]. Официальный дискурс идентичности в Беларуси выстраивается на сопряжении советского опыта с авторитарными практиками “национализации” государства. Повестку дня политики идентичности в Азербайджане и в Армении во многом определяет конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Авторитарные практики в государствах Центральной Азии подчиняют символическую политику и политику памяти интересам укрепления соответствующих персоналистских режимов.

61

В рамках сравнительного анализа таких траекторий в статье рассматриваются три страновые модели — Казахстана, Армении и Беларуси. Эти “случаи” интересны не только для понимания общих характеристик и особенностей политико-институциональных трансформаций и процессов суверенизации на постсоветском пространстве, но и для оценки перспектив реформирования современного миропорядка, в том числе для прояснения будущего “национальной” государственности как формы организации политического общежития.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ, АРМЕНИИ И БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Представления о политико-институциональных перспективах социальной консолидации и повестке дня политики идентичности в экспертном и академическом сообществах Казахстана, Армении и Беларуси мы концептуализировали на основе анализа и обобщения результатов структурированных глубинных интервью с экспертами и учеными ряда исследовательских организаций этих стран. Перечислим организации, с которыми аффилированы проинтервьюированные эксперты. Это Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (4 эксперта); Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации (3 эксперта); Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова, Центр перспективных исследований и инициатив (3 эксперта); Российско-Армянский (Славянский) университет, кафедра политологии (2 эксперта); Ереванский государственный университет, факультет социологии (3 эксперта);

Белорусский государственный университет, факультет международных отношений (4 эксперта); Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, факультет истории, коммуникации и туризма (4 эксперта). Экспертам было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся социально-политической ситуации в их стране, политики нациестроительства, политики памяти, политики в области образования и языка. Ввиду ограниченности объема статьи мы приводим лишь наиболее показательные высказывания, остальной материал использован при анализе и теоретическом обобщении рассматриваемых тенденций политической динамики на постсоветском пространстве.

Политика идентичности в Казахстане. Для Казахстана характерно наличие большого количества этнических групп, из которых наиболее многочисленны казахи (по данным переписи населения 2009 г., доля в населении страны составляет 63,1%), русские (23,7%) и узбеки (2,9%)²; кроме того, в стране проживают украинцы, уйгуры, татары, немцы, представители других национальностей. Хотя в этническом отношении казахстанское общество отличается высокой степенью диффузности, ярко выражена регионализация: на северном “поясе” страны преобладает русскоязычное население, на юге и западе — казахскоязычное. При этом бытуют негативные стереотипы — например, на “севере” распространен образ “богатого юга”, “эксплуатирующего север”.

Глубокий социальный и социокультурный водораздел современного казахстанского общества пролегает сегодня, как показывают интервью с экспертами из Казахстана, между городским и сельским населением, причем сельское население зачастую склонно противопоставлять себя, “настоящих казахов”, городским жителям. “...*Пожалуй, основной проблемой, по которой общество сегментируется, остается ‘город — село’.* Еще пять-семь лет назад в отношении городских (‘асфальтных’) и ‘аульных’ казахов было популярно употребление запрещенных сейчас терминов — соответственно, ‘шала’ (‘недоказах’) и ‘нагыз’ (‘настоящий казах’)” (эксперт А). Особую и довольно многочисленную группу населения составляет молодежь, прибывающая в города из сельской местности, которая в силу низкой квалификации и уровня образования не может найти работу и достойный заработок: “*В результате миграции сельского населения в города под Алма-Атой и Астаной формируются ‘серые зоны’, анклавов, где складываются тяжелейшие социальные условия проживания — намного хуже, чем у других этнических групп. Зачастую в таких местах живут землячествами. Шансы на получение образования у проживающих там крайне низки, как и зарплаты, возникает серьезная проблема в адаптации. Приезжая в города, им крайне сложно устроиться на работу, так как они не говорят на русском языке, не говоря уже об английском. Возникает когнитивный диссонанс: казахи — титульная нация, но будучи гражданами своей страны, говорящими на казахском языке, они не могут устроиться на работу*” (эксперт А). Представители этой наиболее уязвимой в социально-экономическом плане группы населения, как показывают события 2015-2016 гг. в Астане и других городах Казахстана, могут стать почвой для распространения преступности, экстремизма и терроризма³. Этот латентный (до поры) конфликт

² *Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги.* Статистический сборник. Под ред. А.А. Смаилова. Астана: Агентство РК по статистике. 2010. С. 9.

³ Сложившаяся ситуация создала для представителей радикальных религиозных течений благоприятные условия ведения агитационной работы: наиболее ярким свидетельством тому стали теракты лета 2016 г. в Актобе и Алма-Ате, а также информация о ряде других предотвращенных терактов.

не только дестабилизирует социальную и политическую обстановку в стране, но и существенно затрудняет формирование гражданской нации.

Неразвитость современных государственных и других политических институтов, а также внутренние социальные и экономические противоречия способствуют укреплению характерного для многих постсоветских государств персоналистского режима. Такой режим поддерживает политическую и социальную стабильность на основе “авторитаризма развития”, но не может преодолеть сохраняющиеся (и постепенно усиливающиеся) социальные размежевания и расколы, обеспечить прочный и стратегически устойчивый элитный консенсус ввиду сосуществования в элите групп с совершенно различными, подчас противоположными политическими и социокультурными ориентациями.

Активная символическая и образовательная политика, проводимая в Казахстане, направлена, с одной стороны, на формирование единой казахстанской нации и урегулирование этнополитических конфликтов, а с другой – на поддержание доминирующей роли казахской (этнической) элиты. Показателен в этом отношении перечень отмечаемых в Казахстане основных праздников, многие из которых так или иначе связаны с политикой памяти и языковой политикой (см. табл.). Официально цель праздника Дня благодарности, введенного указом президента в 2016 г. и символизирующего благодарность народов Казахстана, адресуемую “титульной нации”, за терпимость и гостеприимство в годы массовой депортации, состоит в воспитании у подрастающего поколения граждан чувства толерантности, дружбы и уважения друг друга, а также в укреплении межэтнического согласия в Казахстане. Очевидный подтекст состоит в том, что депортированные в годы сталинских репрессий на территорию Казахстана народы должны быть благодарны казахам, чем подчеркивается их особая роль, выделяющая их в ряду других народов. Праздничная дата (1 марта) символична: в этот день в 2007 г. Ассамблея народа Казахстана (АНК)⁴ обрела свое новое название. Эксперты отмечают рост значимости и статуса этого института в последние годы, его вклада в стабилизацию общественной обстановки: *“Долгое время Ассамблея существовала как декоративный элемент политической системы, однако в последнее время этот орган наращивает свой научно-аналитический потенциал, его деятельность вышла за рамки межэтнических отношений, он пытается охватить все социальные аудитории... Важно, что Ассамблее во многом удалось наладить диалог с такими традиционными институтами, как Советы старейшин, Советы матерей...”* (эксперт В).

Подобные двойственные тенденции можно увидеть в языковой и образовательной политике. С одной стороны, официально провозглашается беспрепятственное развитие языков всех народов Казахстана, включая преподавание в средней школе предметов на разных языках. С другой стороны, политика государства фактически приводит к обособлению русскоязычного и казахскоязычного образовательных сегментов (при том что первый продолжает сокращаться и вытесняется как из официально-государственного, так и из общеобразовательного пространств). Планируемый в Казахстане переход казахского языка с кириллицы на латиницу в перспективе может не только способствовать

⁴ 1 марта 2007 г. первоначальное название “Ассамблея народов Казахстана” было изменено на нынешнее. Изменение характерное, ввиду официальной роли этого института в качестве ключевого органа выработки и реализации государственной национальной политики. Право возглавлять этот консультативно-совещательный орган при Президенте Республики Казахстан пожизненно закреплено законом за Первым Президентом Республики Казахстан.

дальнейшему вытеснению русского языка, но и создать немало проблем для функционирования самого казахского языка, включая работу государственных и образовательных учреждений, а также повседневное общение людей. *“Переход на латиницу потребует не только немало ресурсов, почти вся казахская национальная литература — на кириллице, все эти пласты придется снова переводить. По существу, до конца еще не просчитано, к чему это реально приведет”* (эксперт В).

Результатом такой двойственной политики становится формирование новых линий размежевания и этнополитического разделения, прежде всего между казахами и русскими. Усиливаются размежевания и внутри казахстанской политической элиты — на сторонников этнического национализма, прозападного курса и более взвешенной, многовекторной политики. Президент Н. Назарбаев предпочитает сохранять экономические, культурные и политические связи с Россией, одновременно развивая и усиливая западный и китайский векторы политики. Более того, в перспективе, как следует из интервью с экспертами (и что весьма вероятно, имея в виду персоналистский характер политического режима в стране), следует ожидать усиления прозападного и, особенно, националистического крена во внутренней и внешней политике казахстанской элиты, включая политику памяти, образовательную и символическую политику. Эксперты констатируют появление национал-популизма, делающего ставку на эмоциональную риторику и в последние годы набирающего популярность среди казахстанской молодежи. *“Национал-популисты обвиняют русскоязычное сообщество в незнании того, что происходит в казахскоязычной среде; политизируя русский язык, часть национал-популистов продвигает тезис о том, что пока Казахстан не откажется от русского языка, он не заговорит на казахском, что новый этап ‘деколонизации’ должен быть связан со стиранием ‘русских кодов’ в сознании населения”* (эксперт А).

Особенности геополитического и геоэкономического положения Казахстана, находящегося между другими странами Центральной Азии, Китаем, Россией и странами Европейского союза, существенно влияют на процессы нациестроительства и формирования идентичности. В Казахстане делаются попытки использовать и совместить элементы разных моделей государственного и национального строительства — традиционной центрально-азиатской, советской, современной российской, европейской, американской, китайской. Сочетанием таких разнородных подходов во многом объясняется и разновекторный (и в определенном смысле эклектичный) характер политики идентичности, предполагающей одновременное формирование казахской (этнической), казахстанской (национальной, полиэтнической) и евразийской (наднациональной) идентичности. *“В последние годы государством активно артикулируется проблема укрепления национальной, надэтнической идентичности. На протяжении последних лет в этой сфере выдвигались различные концепции, например, концепция среднего класса как интегратора, была поставлена задача построения политической нации, ‘Мәңгілік Ел’ — своего рода трансцендентального понимания народа, разделяющего общие ценности (суверенитет, безопасность, толерантность и т.д.). Теперь все эти аспекты, концепции собираются воедино”* (эксперт С). В итоге, как показывают интервью с экспертами и другие источники [см. Шайкемелев 2013], в современном Казахстане доминируют процессы формирования этнической казахской, в меньшей мере казахстанской идентичности, а евразийская идентичность скорее провозглашается, чем реально при-

существует в ряду ориентиров политической самоидентификации и, тем более, в обыденном сознании. *“Большая проблема сегодня — доминирование на местном уровне этнического сознания над общегражданским. Если в целом по стране больше 60% опрошенных традиционно выказывают гражданскую идентичность, то на местном уровне на первое место выходит этническое сознание”* (эксперт А). *“Наибольшее значение идеологема суверенитета, независимости страны имеет именно для молодой сельской казахскоязычной публики; средний класс, проживающий в городах, акцентирует такие ценности, как комфортное проживание в стране, единое правовое пространство, самореализация”* (эксперт В).

В целом же формирование гражданской идентичности в Казахстане, как и в других постсоветских государствах, выявляет такие проблемы, как не соответствующий задачам развития уровень эффективности социальных и политических институтов, преференциальная этническая политика, слабое развитие института активного гражданства. Учитывая противоречивый и многоплановый характер этнополитических и социально-экономических процессов в стране, а также персоналистский характер ее политического режима, можно прогнозировать, что проблемы развития государственности, этнополитической стабильности и формирования гражданской нации в Казахстане в обозримой перспективе будут обостряться.

Политика идентичности в Армении. Одним из наиболее важных факторов, определяющих специфику процессов нациестроительства и формирования государственно-гражданской идентичности в Армении, является ее моноэтничность (доля этнических армян в населении страны составляет около 97%). При этом этническая однородность отнюдь не микширует культурных различий, особенно обусловленных исторической памятью и опытом государственного строительства и социального обустройства (включая участие в инокультурных имперских проектах). Это уникальное сочетание сохраняющегося единства армянского народа и характерного для него культурного разнообразия (в том числе и рассеянных по миру, но весьма влиятельных в принимающих их странах армянских диаспоральных общин) зиждется на бережно сохраняемой и воспроизводимой в новых поколениях исторической памяти народа. Она остается неотъемлемым элементом повседневности и опирается на традиции просветительства, пронесенные сквозь столетия испытаний, опыт Армянской апостольской церкви, важную консолидирующую роль трагических событий 1915–1923 гг. и фактор Арцаха (Нагорного Карабаха).

Использование весьма неопределенного и “несовременного” для научного дискурса термина “народ” неслучайно. В армянском языке и в традиционной, невестернизированной армянской культуре, в армянском обществе устойчиво сохраняется нерасчлененность представлений о народе — нации — этносе. *“...Проблема и в том, что в научном дискурсе термин ‘nation’ в современном понимании многими не воспринимается, потому что в армянском языке слово нация (арм. ‘ուզգ’; латинская транскрипция — ‘azg’; прим. авт.) одинаково относится и к семейной группе, и к этничности, и к нации, и даже в чем-то к культурной группе”* (эксперт F).

Такое понимание народа-нации во многом объясняет фактическое отсутствие запроса в обществе на формирование современной гражданской нации, поскольку национальное единство в традиционном понимании (т.е. как интегрированного культурой и исторической памятью народа) и без

того обеспечено; этими же соображениями руководствуется политическая элита, ориентирующаяся на государственное и политическое строительство. Армянский исследователь С.Т. Золян отмечает, что “в современном армянском дискурсе, как на официальном и академическом, так и на обыденно-бытовом уровне, принято такое понимание идентичности, которое исходит из идеи о неизменности формирующей ее национальной сущности” [Золян 2017: 12]. Проблема формирования гражданской нации и гражданской идентичности занимает в современном политическом дискурсе и в практической политике очень небольшое место, она остается предметом обсуждения представителей интеллектуальной элиты. “...Нет государственной задачи, которая выстраивала бы школьное образование в рамках гражданской идентичности. В Армении очень большая ставка делается на этничность. Если провести анализ массмедиа, всегда акцентируются те процессы, которые связаны с этничностью. А вопросы гражданской идентичности — на втором, третьем, четвертом плане” (эксперт F).

Характерные особенности символической политики в Армении отражает перечень национальных и государственных праздников и дней памяти (см. табл.). Важнейшим для всех армян является День памяти жертв геноцида (24 апреля). В целом можно говорить об исторически сформировавшихся и унаследованных государством политике памяти, политике языка [Мирумян 2016] и политике национальной (скорее, общенародной) идентичности, ориентированной на исторические традиции просветительства.

На процессы государственного и нациестроительства прямое влияние оказывает фактор диаспоры: армянская диаспора, по разным оценкам, в два с половиной — три раза превышает по численности автохтонное население Армении (в границах Армянской ССР)⁵. Эксперты отмечают, что автохтоны более склонны к ограничению области своей политической ответственности “островками определенности”, поэтому первостепенным по значимости является запрос на безопасность, адресуемый власти. Напротив, выходцы из диаспоры (как европейской и американской, так и ближневосточной или российской), а также уроженцы Арцаха политически активнее. Но их интерес к судьбе армянского государства связан не столько с построением в Армении современной гражданской нации, сколько с перспективой “собираения земель”, восстановления тем или иным путем политического контроля над “историческими армянскими землями”. Государство оказывается необходимым инструментом решения этой задачи. Неслучайно среди современной армянской политической элиты непропорционально высоко число выходцев из Нагорного Карабаха.

Интенсивность связей с диаспорой возросла, но качественному развитию этого процесса, по мнению армянских экспертов, препятствует, во-первых, “комплекс вины”: вину ощущают покинувшие страну в 1990-е годы, за отъезд их осуждают оставшиеся в Армении. Во-вторых, значительная часть представителей диаспоры критически относится к политическому процессу в стране и нередко не воспринимает существующее в Армении государство как форму выражения армянского культурно-исторического наследия и армянского на-

⁵ Наибольшее число армян проживает в США, России, Франции и ряде других европейских стран, а также на Ближнем Востоке. Армянская диаспора характеризуется институциональной разобщенностью, ни одна из структур не претендует на всеобъемлющую роль в той или иной стране. В диаспоре также присутствует языковое размежевание: так, в Иране члены диаспоры говорят на восточноармянском, в Сирии — на западноармянском языке [Саркисян 2016: 45]; сирийские беженцы армянского происхождения, попав в Армению, в общении между собой продолжают использовать арабский язык.

рода, так как оно не включает в себя ряд исторических армянских областей: *“...Когда в старой диаспоре говорят: ‘Армения’, подразумевается та самая, большая Западная Армения; недоверие к маленькой, ‘Арагатской’ Армении осталось... Большинство диаспоры Республику Армения как главную святыню всего армянства, его главный символ не воспринимают. Особенно ярко это проявилось в начале 1990-х: недоверие к государственным деятелям переросло в недоверие к государственности. Сейчас что-то меняется, но пока что проблема остается серьезной”* (эксперт G). По-прежнему отсутствуют институциональные механизмы участия диаспоры в политическом процессе в стране (даже тех ее членов, которые инвестировали деньги в экономику страны). *“В 1990-е годы существовал стереотип о богатой диаспоре, которая должна помогать и платить. И действительно, европейские и американские армяне очень активно вкладывались в строительство. Вклады в инфраструктуру они связывали с тем, что получают определенные права в управлении тем, что они выстраивают. Потом оказалось, что деньги у них берут, но не включают в процесс управления”* (эксперт D). *“Министерство диаспоры проводит мероприятия, которые вписываются в руло политики идентичности, например, летом дети из диаспоры получают возможность отдохнуть в летних лагерях Армении. Для учителей-армян, преподающих армянский язык в диаспоре, в Армении проводятся специальные курсы. Однако пока это комплекс мероприятий, который нельзя назвать осознанной и целенаправленной политикой идентичности”* (эксперт G). Экономический вклад диаспоры также оценивается сегодня весьма критически.

Культурные, деловые и родственные отношения жителей Армении с зарубежной диаспорой, а также межгосударственные отношения со странами, оказывающими важную для страны помощь и поддержку (с Россией, рядом стран ЕС, с США и др.), имеют и еще одно, чрезвычайно существенное следствие. Эксперты отмечают значимое размежевание в армянском обществе по линии ориентации на преимущественное сотрудничество либо с Россией, либо с западными странами. *“Сама наша политическая традиция выстроена таким образом, что страна должна развиваться либо по российскому пути, либо по западному, и наблюдая за политическими баталиями в Армении, мы видим, что часть людей выступает за Россию, часть – за Европу, но нет некоего промежуточного звена, которое бы выработало собственную, национальную модель развития”* (эксперт E).

Парадоксально, но особенности Армении в конечном счете ставят ее по ряду важнейших параметров в один ряд со многими другими постсоветскими странами. Для нее также характерны незавершенность процессов формирования современных политических и государственных институтов, закрытость элиты и ее дистанцированность от общества, наличие олигархических групп во власти, дефицит проектов развития, способных консолидировать граждан страны. При этом неизбежно возникает рассогласованность в развитии общества и правящей элиты. *“...Несмотря на то, что на протяжении многих лет внешне властная структура видоизменяется, по своей сути она остается той же. Ее закрытость во многом обусловлена Карабахским конфликтом: структурообразующие элементы этой элиты состоят из лиц, которые напрямую в нем участвовали и с тех пор выстраивают свою риторику вокруг этой повестки. С ростом информированности населения, его гражданской активности возникает водораздел между ним и закрытой элитой”* (эксперт E).

Эксперты сходятся во мнении, что рост гражданской активности в современном армянском обществе сочетается со скептицизмом относительно

политического участия. “...Какую-то политическую активность проявляют максимум 10-15% населения Армении, и есть понимание, что на политический процесс повлиять невозможно. Единственное исключение — это 2008 г., и эта инициатива была подавлена. Большинство протестных движений и митингов с тех пор имеют совершенно конъюнктурный характер... и как правило, среди населения отклика не получают” (эксперт Е). Подобные элементы политической аномии, по мнению экспертов, уходит корнями в восприятие истории: “То, что мы на протяжении многих лет были объектом, а не субъектом истории, создает комплекс неполноценности, передающийся из поколения в поколение, и когда приходится решать судьбу своего государства, люди не видят смысла что-то делать, ведь ‘все равно за нас все решат’. Хотя в последние годы происходят протесты, акции неповиновения, однако они не имеют политического подтекста и направлены на улучшение материального положения” (эксперт Д).

В условиях этнической однородности основные социокультурные и политические размежевания определяются прежде всего резко возросшим за постсоветский период социальным и имущественным неравенством, а также разделением на город и село (при этом село в значительной мере выступает как хранитель традиций и традиционного уклада, ценностей и идентичности), межпоколенческими различиями (адаптирующаяся к переменам молодежь и старшие поколения, зачастую не справляющиеся с новыми вызовами). В целом эти размежевания ставят в положение “проигравших” именно те слои общества, которые сохраняют приверженность патриархальным укладам, что проецирует в будущее потенциальную угрозу армянской идентичности как таковой.

68 Особо отметим проблемы идентичности современной армянской молодежи. Согласно данным исследования, проведенного в 2016 г. Фондом Эберта (на основе репрезентативных массовых опросов и фокус-групп среди молодежи в возрасте от 14 до 29 лет), в сознании молодых армян доминируют традиционные составляющие идентичности — этническая, религиозная (конфессиональная) и семейная. В то же время государственно-гражданская идентичность (как, впрочем, и космополитическая, и наднациональная европейская) выражена слабо и не является приоритетной. Около 30% опрошенных молодых людей думают о возможности эмигрировать из Армении. Мотивы в основном социально-экономические — улучшение качества жизни, условий для получения образования и трудоустройства [Independence Generation... 2016: 107-124]. Авторы исследования делают вывод о том, что “в процессе самоидентификации современной молодежи Армении гражданство не рассматривается как важный фактор, который формирует нацию. Наиболее важны в самоидентификации этносимволические элементы (этничность и религия) и принадлежность к семье. Тем не менее религия выступает главным образом в качестве символического атрибута — как выражение армянской этнической идентичности, не связанное с процессом утверждения государственности или гражданской самооценки” [ibid.: 149].

Для армянского общества остается актуальной дилемма между строительством стабильного государства и развитием нации как традиционного культурно-исторического образования. Первый вариант продвигается главным образом находящимися у власти представителями политической элиты, в то время как второй присутствует де-факто в сознании и в повседневной жизни большинства армянского общества, включая диаспору и значительную часть

молодежи. Представления о современной гражданской нации (и соответствующий дискурс) разделяет сравнительно небольшая часть интеллектуалов. При этом их ожидания связываются с армянской диаспорой Европы и Америки, с ее возможностями способствовать вовлечению Армении в культурный, экономический и идейно-политический мир Запада. Но движение по этому пути представляет потенциальную (и вполне реальную) угрозу культурной идентичности армянского общества и может иметь успех и поддержку в стране только при условии, что в ходе такого сближения будут предложены конкретные решения проблемы безопасности и приемлемые для Армении варианты урегулирования существующих внешних конфликтов.

Политика идентичности в Беларуси. Вопросы нациестроительства и формирования национальной идентичности в Беларуси стоят достаточно остро, что связано с нерешенностью целого ряда социально-экономических, культурных и политических проблем. В 1990-е и 2000-е годы в стране в целом доминировала советская идентичность и представления о государстве и нации, унаследованные от СССР. В этот период реальной представлялась возможность воссоздания союзного государства России и Беларуси как эффективно функционирующего экономического и политического образования. Однако по мере постепенной деградации советской идентичности, понимания ограниченности возможностей такого союза и усиления европейского вектора ориентаций белорусской элиты вопрос о формировании белорусской нации и белорусской идентичности обретал все большую актуальность [Науменко 2012]. Государственные и негосударственные акторы пытаются осуществлять все более активную, хотя далеко не всегда последовательную политику на этом направлении.

Следует различать официальную государственную политику нациестроительства, официальный дискурс и дискурс, сформировавшийся в среде общественных организаций и значительной части белорусских интеллектуалов. Согласно официальной точке зрения, гражданская нация в Беларуси практически уже построена и проблем здесь нет. В реальности же в белорусском обществе существуют серьезные культурные, социальные и политические размежевания и даже расколы, препятствующие формированию современной гражданской нации. Таковы, в частности, социальные и культурные водоразделы между востоком и западом Беларуси, между городом и селом, интеллектуалами и менее образованными группами населения, между молодежью и представителями старших поколений, а также в какой-то мере между православной (РПЦ) и католической церквями [там же]. Эти размежевания слабо компенсируются в контексте реализации политики идентичности ввиду фактического отсутствия диалога власти с ее другими потенциальными субъектами.

Подходы к политике идентичности государственных и негосударственных акторов различаются целями и мотивациями. Государство ставит задачу распространять знание о Беларуси в мировом сообществе, пропагандировать ее позитивный образ, а также укреплять белорусскую культуру и белорусский язык. Ориентиры политики идентичности, проводимой общественными организациями (НКО), скорее внешние: это либо страны ЕС (прежде всего Польша и Литва), либо Россия. Более или менее согласованная политика идентичности вырабатывается очень медленно, связь между повесткой дня негосударственных акторов и государственной политикой далеко не очевидна. Как правило, это две параллельные повестки дня политики идентичности, ко-

торые зачастую противоречат друг другу. *“Сам термин ‘политика национальной идентичности’ употребляется скорее в научном, чем во властном дискурсе. Есть понятие ‘национальный контент’ – содержание СМИ, государством ставится задача его усилить на международной арене”* (эксперт Н).

Характеризуя государственную политику идентичности, эксперты отмечают ее непоследовательность, сводящую действия государства скорее к некоей совокупности противоречивых шагов, которые отражают неоднозначное отношение к белорусскому национализму. *“...Модель официальной политики ближе к концепции гражданской идентичности, при этом раньше в высказываниях президента звучал тезис о том, что белорусский национализм имеет конструктивные черты. Призывы укрепить культуру, язык, проводить белоруссизацию во властном дискурсе зазвучали с новой силой на фоне российско-украинского конфликта. Однако, судя по всему, под знаменем национализма происходит объединение недовольных властью, и власть все более опасается, что если сильно поддерживать национальные тенденции, за ними будет политический компонент, опасаются белорусского национализма”* (эксперт Н). Это побуждает государство продвигать модель гражданского национализма, в то время как недовольная властью оппозиция делает ставку преимущественно на этнический и культурный (“роевропейский”) национализм. Иными словами, проблема и роль белорусского национализма оцениваются и воспринимаются властью и оппозицией по-разному. Рядовые же граждане, согласно данным опросов (2009 г.), в ряду главных начал, “объединяющих с людьми своей национальности”, называют преимущественно территорию и государство [Smok 2013: 16].

Проводимая государством политика памяти и образовательная политика существенно эволюционировали на протяжении последних 25 лет. Если в 1990-е преобладала советская трактовка истории, то в 2000-е годы наметилась тенденция выстраивать единую историю Беларуси с эпохи средневековья до наших дней, представляя советский и постсоветский периоды как естественное продолжение дореволюционной истории. На официальном уровне возникающие при такой трактовке нестыковки и противоречия либо замалчиваются, либо игнорируются. *“В начале 2000-х годов учебники стали более сбалансированными. Даже на официальном уровне отошли от концепции древнерусского государства. Полоцкое княжество – это основа белорусской государственности, здесь образ Всеслава Полоцкого. Важен образ Великого княжества Литовского как сильного государства, нанесшего первый удар по Орде, где балтский и славянский элементы были равноправны... государственным языком был старобелорусский, на нем печатались основные государственные документы... Речь Посполитая рассматривается как федерация Польского королевства и Великого княжества Литовского. XIX век – процесс формирования белорусской нации в рамках Российской империи. XX век – БНР, БССР, Вторая мировая война, Великая Отечественная война. День освобождения Минска объявлен Днем Независимости”* (эксперт Н). Советский период оценивается положительно, а война с фашизмом занимает в политике памяти центральное место. *“Политика памяти характеризуется прежде всего ориентацией на советское прошлое, где Вторая мировая война выступает как основной идеологический ресурс”* (эксперт М).

Напротив, в политике памяти, осуществляемой негосударственными, в том числе оппозиционными акторами, значима тенденция противопоставления до- и послереволюционных (1917 г.) периодов истории Беларуси. *“В по-*

следнее время актуализируется дискурс об истории белорусского народа X-XII веков. Большинство белорусов сегодня предпочитает осознавать себя потомками *Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского*” (эксперт К). Особую роль играет тема разоблачения сталинских репрессий. *“Куропаты – место, где в июне 1941 года расстреливали ‘врагов народа’. В советское время не принято было об этом говорить, но в последнее время эта тема приобрела серьезные размеры – кого расстреливали, кто... На месте Куропат хотели построить развлекательный центр, но общество победило, это была первая серьезная победа, люди там ночевали, жгли костры, чтобы сделать это место памятником”* (эксперт J).

В известной мере сходные тенденции характерны и для проводимой в стране символической политики. В этой политике своеобразно сочетаются советские и национальные праздники (см. табл.), символы, памятники. Однако на бытовом уровне все более популярными становятся национальные белорусские символы и атрибуты. *“Элементы орнамента, вышиванки очень актуальны среди молодежи, их можно увидеть не только на одежде, но и на машинах, герб в этом духе изменил даже МИД, там появился национальный орнамент, чего не было ранее”* (эксперт J).

Вместе с тем в Беларуси весьма остро стоит проблема белорусского языка, которым пользуется лишь малая часть населения. Доля белорусов, заявивших, что в повседневной жизни они говорят на белорусском языке, составляет от 5 до 15% [Постсоветские государства... 2008: 65]. В 1995 г. подавляющее большинство пришедших на референдум граждан поддержали узаконение государственного статуса двух языков – русского и белорусского. В то же время немало сельских жителей, особенно в западных областях Беларуси, говорят на диалекте – так наз. *трасянке*. Острота проблемы белорусского языка связана прежде всего с тем, что приверженцы белорусского национализма считают его важнейшей составляющей независимого (прежде всего от России) общества и государства. *“...Быть белорусом означает прежде всего отношение к языку; отношение к нему у большинства населения очень лояльное и положительное, но люди практически не говорят на нем. Два официальных языка – белорусский и русский, но фактически имеет место одноязычие. В девяностые годы работа по переходу на белорусский язык шла очень тяжело и неоднозначно; в 1995 году белоруссизация закончилась, большинство проголосовало за двуязычие. Белорусский язык стал сворачиваться во всех сферах, количество белорусских школ стало резко падать. Однако в последнее время происходит смена приоритетов: белорусы стали ориентироваться больше на свою культуру...”* (эксперт J). В итоге отношение к белорусскому языку оказывается не только важным элементом политики идентичности, но и своего рода “лакмусовой бумажкой” отношения к этническому и культурному национализму.

Все большее значение в Беларуси приобретает также польский язык. Дело не столько в том, что на нем говорят поляки, проживающие на западе Беларуси (их доля в общем населении сравнительно невелика, она составляет чуть более 3%), сколько в том, что многие белорусы, особенно молодые, стремятся выучить польский язык, чтобы уехать в Польшу и далее в другие страны ЕС. *“На курсы польского языка в Польском институте не прорваться – народ учит язык, потому что связывает с ним свое социально-экономическое продвижение: там можно получить диплом европейского образца, что открывает путь в Европу”* (эксперт J).

В целом анализ выявляет сложную и извилистую траекторию политики идентичности в Республике Беларусь. Это обусловлено рядом факторов. Сама история белорусского народа, с одной стороны, тесно связана с историей

России, с другой — с историей Литвы и Польши. Значимые социальные размежевания в контексте противостояния ориентирующейся на Россию (пусть непоследовательно) власти во главе с президентом А. Лукашенко, пытающимся, используя авторитарный ресурс, проводить политику “национализации” государства, и прозападной оппозиции определяют противоречивый характер политики идентичности. При этом значимую роль в диверсификации трендов этой политики в Беларуси играют внешние факторы, прежде всего фактор мягкой силы стран ЕС и США.

РЕСУРСЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ “НАЦИОНАЛЬНЫХ” ПРОЕКТОВ

Как показывает проведенное исследование, национальное строительство (формирование нации) и государственное строительство во всех рассмотренных постсоветских кейсах разведены, а их приоритеты в ряде случаев противоречат друг другу. Если проблемы формирования гражданской нации и гражданской идентичности на политическом уровне декларируются, то на практике государство ориентирует политику идентичности на *укрепление политической нации*, а результатом такой политики является *легитимизация режима*. Изучение постсоветских реалий актуализирует проблему *разведения и в научном и политическом дискурсах категорий политической* (государствообразующей, опирающейся на выстраиваемый государством правовой институт гражданства) и *гражданской* (соединенной скрепами социальной самоорганизации) *наций*. В реализацию политики, направленной на формирование гражданских скреп современных обществ, наряду с государством активно вовлекаются и другие участники политических взаимодействий [Идентичность... 2017].

72 В рассмотренных нами постсоветских обществах политика памяти, языка, образовательная и символическая политика базируются главным образом на расширительном понимании нации и апелляции к традиционным символам и ценностям. Вместе с тем, системы ценностей постсоветских обществ адаптивны и способны интегрировать религиозные и семейные основания самоидентификации (что очень заметно в Армении), социальный и политический опыт предшествующего советского периода (как в Беларуси) или новые, сконструированные в рамках политики идентичности исторические ориентиры (Казахстан и Беларусь). Формирование современной гражданской нации не стало приоритетом общественной активности и государственной политики, активное гражданство редко воспринимается как социально значимая ценность и опора самоидентификации. Одно из следствий этого — опасность усиления не гражданского, а этнического национализма, что в условиях культурного многообразия чревато ростом социальной конфликтности.

Некоторые важные индикаторы политики идентичности в трех рассматриваемых постсоветских странах, выявленные в ходе интервью, обобщены в таблице.

При становлении новой государственности актуальное состояние ресурса гражданской идентичности играет определяющую роль в формировании траекторий политического развития. При этом, как показывает постсоветский опыт, в государственном строительстве фактор гражданской идентичности может в критических ситуациях стать невостребованным (как, например, в Армении в ходе карабахского конфликта), а ключевым ресурсом государственной консолидации оказывается противостояние значимому Другому

(как в большинстве случаев попыток сепарации на постсоветском пространстве, в том числе в Грузии, Украине и т.д.).

Таблица (Table)

**Социально-политический контекст и индикаторы политики идентичности
в Казахстане, Армении и Беларуси**

Social Context and Indicators of Identity Politics in Kazakhstan, Armenia and Belarus

Казахстан	Армения	Беларусь
Основные социально-политические размежевания		
Городское – сельское население, региональное (юг – север страны)	Городское – сельское население, население Армении – диаспора	Региональное (восточная – западная части страны), городское – сельское население
Отношение к России и к СССР в политике памяти и образования		
Ситуативно (позитивное / негативное)	Скорее позитивное	Позитивное
Значение Великой Отечественной войны в политике памяти		
Умеренное	Важное	Очень важное
Истоки народа и исторической государственности		
Тюркский каганат (I тыс. н.э.) и Казахское ханство (XV в.)	Урарту (II-I тыс. до н.э.) и принятие христианства (IV в. н.э.)	Полоцкое княжество и Речь Посполитая (IX-XVIII вв.)
Языки, официально присутствующие в образовательной политике		
Казахский, английский, русский, уйгурский, китайский	Армянский, английский, русский	Русский, белорусский, польский
Государственные праздники – инструменты символической политики		
Праздник языков народов Казахстана, Праздник единства народов Казахстана, День Победы (9 мая), День благодарности	День памяти жертв геноцида, День Победы (9 мая), Вардананц (День добрых дел и национального долга), День национальной идентичности Навасард (начало армянской государственности), День армянского языка	День Независимости (3 июля), День Победы (9 мая), День единения народов Беларуси и России (2 апреля), День белорусской письменности, День Октябрьской революции (7 ноября)
Исторические личности – “персонификаторы” идентичности		
Жанибек-хан, Керей-хан, Абай Кунанбаев, Амангельды Иманов, Чокан Валиханов, Алия Молдагулова	Айк Наапет, св. Григорий Просветитель, Рипсимэ, св. Саак Партев, св. Месроп Маштоц, Вардан Мамиконян, Мовсес Хоренаци, Ованес Туманян	Св. Ефросиния Полоцкая, св. Кирилл Туровский, Витовт, Франциск Скорина, В.К. (Кастусь) Калиновский, Янка Купала, Петр Машеров
Основные негосударственные акторы политики идентичности		
Исламские религиозные организации, православная церковь (РПЦ)	Армянская апостольская церковь (в Армении и за рубежом), организации армянской диаспоры, культурно-просветительские организации	Православная церковь (РПЦ), католическая церковь, униатская церковь, группы интеллектуалов, гражданские инициативы в сфере культуры и продвижения белорусского языка

На современном этапе интересы государственного строительства на постсоветском пространстве преобладают и, более того, подчиняют себе политическую повестку развития, задают приоритеты политики идентичности, политики памяти и пр. При этом почти повсеместно наиболее активные в процессе государственного строительства элиты (и в странах Балтии, и в Украине, и в Беларуси, и в странах Закавказья и Центральной Азии) опираются на ресурсы и реализуют политические стратегии, *de facto* блокирующие путь гражданской нации. В то время как силы, заинтересованные в достижении гражданской солидарности, повсеместно оказываются более пассивными и не готовыми к практической реализации такой повестки. Так было и в Балтии в 1990-1992 гг.; так было и в Украине в 2006-2007 и 2013-2014 гг. Так – в более мягкой форме “вытеснения” – происходило на ранних стадиях государственного строительства в Казахстане. Во многом это справедливо и в отношении Армении, где политическая повестка формируется преимущественно внешними угрозами безопасности государства и императивом их отражения, а осуществляется под руководством элит, капитализировавших (как и в Азербайджане) проблему Карабаха.

Как известно, идеалтипической опорой современного национального государства является гражданская нация. Поиски иных оснований ее формирования и консолидации (“конституционный патриотизм” Ю. Хабермаса, европейское гражданство, “космополитическое гражданство” и т.п.) пока не привели к появлению альтернативной “национальному” государству политической оболочки. Опыт постсоветских стран показывает, что доминирование и в политике идентичности, и в самоидентификации граждан государственного начала в сочетании с этническими ориентирами поддерживает гибридные формы идентичности, сочетающие модернизационные и архаические черты. В этих условиях государственное и национальное строительство оказываются не столько конкурирующими, сколько существенно различными, а зачастую и несовместимыми в рамках “национального” государства проектами, и выявление новых политических форм, которые способны обеспечивать поддержание гражданского согласия, политической конкуренции и динамичного развития, становится приоритетом в исследованиях общественных трансформаций.

74

Абашин С.Н. 2007. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя. 304 с.

Глобальная перестройка. 2014. Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Весь Мир. 528 с.

Золян С.Т. 2017. О динамическом понимании национальной идентичности (на примере описания армянской идентичности). – *СОТИС – социальные технологии, исследования*. № 1. С. 11-17.

Идентичность: личность, общество, политика. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир. 2017. 964 с. (в печати).

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2014. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 68-89. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.06>

Летняков Д.Э. 2016. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах. – *Мир России*. № 2. С. 144-167.

Маркедонов С.М. 2015. Праздники и памятные даты постсоветского Закавказья: история и политика. – *Неприкосновенный запас*. № 3 (101). С. 273-285.

Мирумян Р.А. 2016. Национальный язык как первооснова культурной идентичности нации (политико-философский аспект). — *Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета*. № 2. С. 47-62.

Науменко Л.И. 2012. *Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика*. Минск: Белорусская наука. 206 с.

Постсоветские государства. Под ред. Ж. Радвани. 2008. М.: NOTA VENE. 288 с.

Саркисян О.Л. 2016. Некоторые постулаты исследования национальной идентичности в контексте современных социально-политических и культурно-цивилизационных трансформаций. — *Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета*. № 2. С. 42-46.

Символическая политика. Сборник научных трудов. Отв. ред. О.Ю. Малинова. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. 2012. М.: ИНИОН РАН. 334 с.

Тишков В.А. 2016. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. — *Культурная сложность современных наций*. Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. С. 7-18.

Шайкемелев М.С. 2013. *Казахская идентичность*. Под общей ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. 272 с.

Шнирельман В.А. 2003. *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига. 245 с.

Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Под ред. Ф. Барта. 2016. М.: Новое издательство. 198 с.

Beck U. 2000. The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity. — *The British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 1. P. 79-105. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00079.x>

Brubaker R. 1996. Nationalizing States in the Old “New Europe” and the New. — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 19. P. 411-437. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.1996.9993918>

Brubaker R. 2011. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 34. No 11. P. 1785-1814. <http://dx.doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>

Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. 2008. *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press. 504 p.

Burkhanov A. 2017. Kazakhstan’s National Identity-Building Policy: Soviet Legacy, State Efforts and Societal Reactions. — *Cornell International Law Journal Online*. Vol. 50. No. 1.

Chernilo D. 2006. Social Theory’s Methodological Nationalism. Myth and Reality. — *European Journal of Social Theory*. Vol. 9. No. 1. P. 5-22. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431006060460>

Coppieters B., Emerson M., Huysseune M., Kovziridze T., Noutcheva G., Tocci N., Vahl M. 2004. *Europeanization and Conflict Resolution. Case Studies from the European Periphery*. Gent: Academia Press. 258 p.

Ethnic Conflict in Post-Soviet States. 1996. Ed. by L. Drobizheva, R. Gottemoeller, C. McArdle Kelleher, L. Walker. New York: M.E. Sharpe. 365 p.

Independence Generation. Youth Study 2016 – Armenia. 2016. Yerevan: Friedrich-Ebert-Stiftung. 206 p.

Isaacs R., Polese A. 2016. *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space. New Tools and Approaches*. London, New York: Routledge. 258 p.

Kuzio T. 2001. ‘Nationalising States’ or Nation-Building? A Critical Review of the Theoretical Literature and Empirical Evidence. — *Nations and Nationalism*. Vol. 7. No. 2. P. 135-154. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1469-8219.00009>

- Nation-Building*. 1963. Ed. By Deutsch K., Folz W. New York: Atherton Press. 167 p.
- Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics and Directions*. 2015. Ed. by M. Omelicheva. Lanham, MD: Lexington Books. 198 p.
- Ozkimirlı U. 2010. *Theories of Nationalism: A Critical Introduction*. London: Palgrave Macmillan. 288 p.
- Pawlusz E., Seliverstova O. 2016. Everyday Nation-Building in the Post-Soviet Space. Methodological Reflections. — *Studies of Transition States and Societies*. Vol. 8. No. 1. P. 69–86.
- Polese A. 2011. Language and Identity in Ukraine: Was it Really Nation-Building. — *Studies of Transition States and Societies*. Vol. 3. No. 3. P. 36–50.
- Smok V. 2013. *Belarusian Identity: the Impact of Lukashenka's Rule*. Analytical Paper 3. 2013, 9 December. Minsk, London: Ostrogorski Centre. 22 p.
- Soviet and Post-Soviet Identities*. 2012. Ed. by Bassin M., Kelly C. Cambridge MA: Cambridge University Press. 386 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511894732>
- Tishkov V. 1997. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame*. London: Sage. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446279427>
- Zajak S. 2013. Cosmopolitan Sociology or Why the Global Is Local. — *Governance Across Borders. Transnational Fields and Transversal Themes*. Ed. by L. Dobusch, Ph. Mader, S. Quack. Berlin: epubli GmbH. P. 24–25. URL: http://www.mpifg.de/pu/mpifg_book/governance_across_borders_final.pdf

DOI: [10.17976/jpps/2017.05.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05)

BETWEEN THE STATE AND THE NATION: DILEMMAS OF IDENTITY POLITICS IN POST-SOVIET SOCIETIES

76 I.S. Semenenko¹, V.V. Lapkin¹, A.L. Bardin¹, V.I. Pantin¹

¹Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

SEMENENKO Irina Stanislavovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: semenenko@imemo.ru; LAPKIN Vladimir Valentinovich, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: vlh@politstudies.ru; BARDIN Andrei Leonidovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: andreybardin@gmail.com; PANTIN Vladimir Igorevich, Dr. Sci. (Philos.), Head of Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: v.pantin@mail.ru

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 54–78. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>

Acknowledgments. This article was prepared with financial support provided by the Russian Science Foundation [research grant № 15-18-00021 “Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)”]. The research was conducted at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Received: 26.06.2017. Accepted: 16.07.2017

Abstract. Two closely related but essentially divergent political projects coexist on the post-Soviet states current political agenda: the formation of a modern civic nation and the consolidation of state institutions and national (nation-state) identity. The search for effective instruments to bridge the deep social and ethno-cultural cleavages their societies confront while promoting these projects brings identity issues to the forefront of political discourse. The article presents the results of a comparative analysis of identity politics strategies and practices pursued by political elites in three post-Soviet republics — Kazakhstan, Armenia and Belarus — cases that demonstrate a diversity of ethnic and cultural composition and of social and economic development resources. The research is based on in-depth interviews taken in research and

expert institutions in these countries and is preceded by a critical overview of the concepts of the nation and nation-building in the post-Soviet context. The authors argue that there is a consistent divergence in the trajectories of the state and nation-building projects, and demonstrate that the potential of civic identity is often used to different ends in political and intellectual discourses. The political elites give a clear priority to the state-building agenda, while identity politics promoted by the state focus on the legitimization of the existing political regimes. An assessment of the prospects in post-Soviet societies for nation-building questions the universal appraisal of the “nation state” project in a transforming world order.

Keywords: nation; nation-state; nation-building; nationalism; national identity; civic identity; identity politics; identity discourse; statehood; post-Soviet space; Kazakhstan; Armenia; Belarus.

References

- Abashin S.N. *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in the Central Asia: in Search for Identity]. Saint Petersburg: Aleteiya. 2007. 304 p. (In Russ.)
- Beck U. The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity. — *The British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. No. 1. P. 79-105. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00079.x>
- Berkutova E. *Osnovnye kontury regional'noi politiki Respubliki Kazakhstan: strategicheskoe planirovanie, vlast' i ekonomika* [Basic Outlines of the Regional Policy of the Republic of Kazakhstan: Strategic Planning, Power and Economics]. Astana — Almaty: The Institute of World Economy and Politics under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan. 2015. 74 p. (In Russ.)
- Brubaker R. Nationalizing States in the Old “New Europe” and the New. — *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19. P. 411-437. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.1996.9993918>
- Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. — *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34. No. 11. P. 1785-1814. <http://dx.doi.org/10.1080/01419870.2011.579137>
- Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L. *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press. 2008. 504 p.
- Burkhanov A. Kazakhstan's National Identity-Building Policy: Soviet Legacy, State Efforts and Societal Reactions. — *Cornell International Law Journal Online*. 2017. Vol. 50. No 1.
- Chernilo D. Social Theory's Methodological Nationalism. Myth and Reality. — *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. No. 1. P. 5-22. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431006060460>
- Coppieters B., Emerson M., Huyseune M., Kovziridze T., Noutcheva G., Tocci N., Vahl M. *Europeanization and Conflict Resolution. Case Studies from the European Periphery*. Gent: Academia Press. 2004. 258 p.
- Ethnic Conflict in Post-Soviet States*. Ed. by L. Drobizheva, R. Gottemoeller, C. McArdle Kelleher, L. Walker. New York: M.E. Sharpe. 1996. 365 p.
- Ethnic Groups and Boundaries. Ed. by F. Barth. (Russ. ed.: *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii*. Ed. by F. Barth. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 2016. 198 p.)
- Globalnaya perestroika* [Global Perestroika]. Ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow: Ves Mir Publishers. 2014. 528 p. (In Russ.)
- Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika*. Otv. red. I.S. Semenenko [Identity: The Individual, Society and Politics. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: Ves Mir Publishers. 2017. 964 c. (In print). (In Russ.)
- Independence Generation. Youth Study 2016 – Armenia*. Yerevan: Friedrich-Ebert-Stiftung. 2016. 206 p.
- Kuzio T. ‘Nationalising States’ or Nation-Building? A Critical Review of the Theoretical Literature and Empirical Evidence. — *Nations and Nationalism*. 2001. Vol. 7. No. 2. P. 135-154. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/1469-8219.00009>
- Lapkin V.V., Pantin V.I. Crisis of the Ukrainian Statehood: Political and Legal, Valuable and Geoeconomic Aspects. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 5. P. 68-89 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.06>
- Letnyakov D.E. Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States — *Mir Rossii*. 2016. Vol. 25. No. 2. P. 144-167. (In Russ.)
- Markedonov S.M. Holidays and Memorable Dates in Post-Soviet Transcaucasia: History and Politics]. — *Neprikosnovennyi Zapas*. 2015. Vol. 3. No. 101. P. 273-285. (In Russ.)
- Mirumyan R. National Language as a Foundation of National Identity (Political-Philosophical Aspects)]. — *Vestnik Rossiisko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta*. 2016. No. 2. P. 47-62. (In Russ.)
- Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space. New Tools and Approaches*. Ed. by R. Isaacs, A. Polese. London and New York: Routledge. 2016. 258 p.
- Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics and Directions*. Ed. by M. Omelicheva. Lanham, MD: Lexington Books. 2015. 198 p.

- Nation-Building. Ed. by Deutsch K., Folz W. New York: Atherton Press. 1963. 167 p.
- Naumenko L.I. *Belorusskaya identichnost'. Soderzhanie. Dinamika. Sotsial'no-demograficheskaya i regional'naya spetsifika* [Belorussian Identity. Content. Dynamics. Socio-Demographic and Regional Specifics]. Minsk: Belorusskaya nauka. 2012. 206 p. (In Russ.)
- Ozimirli U. *Theories of Nationalism: A Critical Introduction*. London: Palgrave Macmillan. 2010. 288 p.
- Pawlusz E., Seliverstova O. Everyday Nation-Building in the Post-Soviet Space. Methodological Reflections. — *Studies of Transition States and Societies*. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 69-86.
- Polese A. Language and Identity in Ukraine: Was It Really Nation-Building? — *Studies of Transition States and Societies*. 2011. Vol. 3. No. 3. P. 36-50.
- Postsovetskie gosudarstva*. Pod red. Zh. Radvani [Post-Soviet States. Ed. by J. Radvanyi]. Moscow: NOTA BENE. 2008. 288 p. (In Russ.)
- Sargsyan H. Some Postulates of National Identity Research in the Context of Modern Social-Political and Cultural-Civilizational Transformations]. — *Vestnik Rossiisko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta*. 2016. No. 2. P. 42-26. (In Russ.)
- Shaikemelev M.S. *Kazakhskaya identichnost'*. Pod obshchei red. Z.K. Shaukenovoi [The Kazakh Identity. Ed. by Z.K. Shaukenov]. Almaty: Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 2013. 272 p. (In Russ.)
- Shnirel'man V.A. *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga. 2003. 245 p. (In Russ.)
- Simvolicheskaya politika*. Sbornik nauchnykh trudov [Symbolic Politics. A Collection of Essays. Ed. by O.Yu. Malinova]. Issue 1. Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyi resurs [Constructing Perceptions of the Past as a Power Resource]. Moscow: INION RAN. 2012. 334 p. (In Russ.)
- Smok V. *Belarusian Identity: The Impact of Lukashenka's Rule*. Analytical Paper 3. 2013, 9 December. Minsk, London: Ostrogorski Centre. 2013. 22 p.
- Soviet and Post-Soviet Identities*. Ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge Ma, Cambridge University Press. 2012. 386 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511894732>
- Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame*. London: Sage. 1997. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446279427>
- Tishkov V.A. Uslozhnyayushchee raznoobrazie: kak ego ponimat' i uporyadochit' [Increasing Diversity: How to Understand and Organize It]. — *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsii*. Otv. red. V.A. Tishkov, E.I. Filippova [Cultural Complexity of Modern Nations. Ed. by V.A. Tishkov, E.I. Filippova]. Moscow: ROSSPEN. 2016. P. 7-18. (In Russ.)
- Zajak S. Cosmopolitan Sociology or Why the Global Is Local. — *Governance Across Borders. Transnational Fields and Transversal Themes*. Ed. by L. Dobusch, Ph. Mader, S. Quack. Berlin: epubli GmbH. 2013. P. 24-25. URL: http://www.mpifg.de/pu/mpifg_book/governance_across_borders_final.pdf
- Zolyan S. On the Dynamic Approach to the Notion of National Identity (Armenian Identity Case Study). — *SOTIS – sotsialnye tehnologhie, issledovaniya*. 2017. No. 1. P. 11-17. (In Russ.)